

Культура. - 1995. - 14 янв. - С. 9.

Возвращение к «Библии»

Балерина в музее
читала Песнь песней

Четыре года назад во Всесоюзном киноцентре состоялась премьера спектакля «Библия», созданного творческой группой «Отражение» во главе с постановщиком Александром Паррой. Именно ему пришла тогда эта дерзкая и во многом спорная идея — читать со сцены Священное Писание. Но главной сенсацией спектакля стало участие в нем Екатерины Максимовой. Смелость выдающейся балерины, отважившейся в новом качестве ступить на сценические подмостки и в течение сорока пяти минут, оставаясь одной на совершенно пустой, без декораций и реквизита сцене, читать сложнейшую Песнь песней, казалась ошеломляющей. Сам спектакль как явление весьма необычное вызвал разноречивые мнения, но работа Максимовой, безусловно, привлекла внимание.

«Художник читает Библию...». Коль скоро последние, четырнадцатые, «Декабрьские вечера» в Музее изобразительных искусств имени Пушкина были посвящены этой теме, не вспомнить о том, в общем, несправедливо забытом спектакле было невозможно. И о нем вспомнили, и возродили к новой жизни. Режиссером новой, теперь уже музыкально-сценической композиции, названной «Страницы из Библии», стал Владимир Васильев, удачно дополнивший чтение Второзакония (в исполнении А. Парры) и Песни песней фрагментами из произведений Шостаковича, Вивальди, Малера, Вебера, Каччини, Генделя, Форе и Бриттена. Прозвучали эти фрагменты в исполнении замечательного «Вивальди-оркестра» (солист Ю. Миллис) под управлением Светланы Безродной, вновь продолжившей

свое сотрудничество с Васильевым, так счастливо начатое полтора года назад на фестивале, устроенном в его честь.

В отличие от современного, буднично-безликого зала Киноцентра, где состоялась премьера «Библии», нарядный Белый зал Пушкинского музея с колоннами, ярко горящими золотисто-бронзовыми канделябрами, с картинами великих художников прошлого на стенах, старинным бежево-охристым гобеленом, висющим в центральной нише и служащим декорацией, с красивейшими гирляндами цветов и еловых веток, обрамляющих небольшой помост, сразу одалил той удивительной атмосферой строгой торжественности и уюта, атмосферой ожидания заранее обещанного праздника, которая каждый раз возникает на «Декабрьских вечерах». Тем более если предстоит что-то совсем необычное, нетрадиционное...

...Необычен уже сам облик Максимовой в этом спектакле: облегающее хрупкую фигуру вишнево-терракотовое платье складками спадает до пола, пышные, темные, с каштановым отливом волосы рассыпаны по плечам, на тонких запястьях — звенящие браслеты, в ушах — золотые кольца серег. В постановке А. Парры отказ от пластики, от какого-либо намека на балетные жесты был подчеркнуто-декларативным. Теперь Васильев сочинил хореографический «рецитатив», тактично соединив его с музыкой и библейским текстом, благодаря чему роль Максимовой стала более объемной, масштабной, пластически завершенной. Впрочем, «роль», конечно, определение неточное и неподходящее: то, что делает балерина в этом

спектакле, больше, чем «исполнение роли».

Она проживает на сцене Песнь песней, чудодейственно сочетая слово и движение. Ее тело, как послушный инструмент, мгновенно откликается на перемену интонации собственного голоса — страстный шепот, радостный вскрик, протяжный стон, горестное причитание. Произносимому тексту пластически аккомпанирует то чуть приподнятое плечо, то руки, вскинутые вверх или безвольно упавшие, то склоненный вниз корпус, то коленопреклоненная поза, то внезапный поворот головы. Максимова завораживает магией чтения и жестов, магией взглядов и молчаливых пауз-раздумий, когда она, взволнованно внимая чистейшим, поистине ангельским голосам певцов (Н. Лебедева и О. Рябев), исполняющих «Ave Maria», прислушивается к себе.

Само существование Максимовой на не привычной для нее сцене (словом «игра» это тоже никак не назовешь) по сравнению с премьерными спектаклями четырехлетней давности стало более уверенным, свободным, каждая произнесенная фраза обрела весомость, внутреннюю выстраданность. Но подобно тому, как откровения героини Максимовой, истоиво прославляющей любовь, не раскрывают чарующей тайны, которой окутан ее облик, каждая новая работа балерины только лишний раз доказывает, сколь неразгаданно ее творчество, сколько неожиданных ролей — и драматических, и балетных — может она исполнить, сколько судеб воплотить...

Екатерина БЕЛОВА.

Фото Е. Фетисовой.